

ВАСИЛИЙ СИМЧЕРА

И ещё три вопроса президенту

ПО СТАТИСТИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Василий Симчера

**И ещё три вопроса президенту.
По статистике и не только**

«Издательские решения»

Симчера В.

И ещё три вопроса президенту. По статистике и не только /
В. Симчера — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908886-4

За время правления Путина только на его больших пресс-конференциях президенту России от граждан поступили десятки миллионов вопросов. И только на несколько сотен люди получили ответы. Остальные, в том числе и вопросы автора книги, включая те три, которые он опубликовал в печати накануне последней пресс-конференции, остались без ответа. Не дожидаясь «милости от природы», в этой книге автор сам дает ответы на свои вопросы. Книга предназначена для тех, кто не получил ответа на заданные ими вопросы.

ISBN 978-5-44-908886-4

© Симчера В.
© Издательские решения

Содержание

«Давайте разберёмся...»	8
Страсти по краху	14
Курсом на рифы	19
Успехи, которых нет (Думская речь Владимира Путина глазами статистики)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

И ещё три вопроса президенту По статистике и не только

Василий Симчера

© Василий Симчера, 2018

ISBN 978-5-4490-8886-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[Год]

«Давайте разберёмся...»

Газета «Завтра» Номер 12 (800) от 18 марта 2009 г.

На вопросы «Завтра» отвечает директор НИИ статистики Роскомстата Василий Симчера

«ЗАВТРА». Василий Михайлович, известная фраза о том, что на свете есть ложь, большая ложь и статистика, вам, наверное, уже успела порядком надоесть. Но всё-таки: что в том образе России, который демонстрируется нам официальной статистикой, является правдой, что – ложью, а что большой ложью, и где там статистика?

Василий СИМЧЕРА. Знаете, чтобы иметь в нашей стране хорошую статистику, на 140 миллионов населения необходимо, по крайней мере, 300 тысяч служащих, которые бы занимались этой работой. В России сегодня нет и 30 тысяч. Пропорционально столько мы имеем и хорошей статистики. Всё остальное – плоды народного творчества. Хорошая статистика в России есть, но она минимальная, очень неброская и очень туго доходит до реального потребителя. Вообще-то, реальному потребителю нужны не те талмуды из столбиков цифр, графиков и диаграмм, которые даёт статистика, – ему нужно понимание того, куда идет страна, куда она может идти и куда она должна идти. Статистика – это инструмент для установления правды, с её помощью люди могут узнавать правду и жить по правде. А чем больше в обществе мерзости, тем хуже оно относится к статистике, выдавая за статистику все, кроме самой статистики.

«ЗАВТРА». У нас в стране были периоды, когда статистика находилась на высоте?

В. С. Конечно. Это практически вся вторая половина XIX века и 30-е—50-е годы прошлого века. Даже великий наш сатирик Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, занимая пост вице-губернатора, занимался статистикой, участвовал в переписях. Антон Павлович Чехов был статистиком, его книга «Остров Сахалин» – это статистическая работа. Вообще, статистика – это огромная работа. Потому что вы должны не просто сказать, что в России население 142 миллиона человек – вы должны так всех переписать, чтобы зримо узнавать каждого из них. А когда нам говорят: вы плохо переписали, приписывали, не вписывали и так далее, что у нас 145 миллионов или, наоборот, 140 – это всё болтология, а не статистика. И такая болтология сегодня выдается за статистику в 9 случаях из 10.

«ЗАВТРА». А переписи советского времени?

В.С. За исключением переписи 1937 года, которую постигло несчастье, все эти документы были достаточно мужественными образцами жанра, которые объективно отражали происходящие в стране процессы и противостояли тем измышлениям, которые громоздили вокруг неё зарубежные «доброжелатели». Так вот, сегодня у нас статистика строится не на подсчетах, а на расчетах. Берётся любая точка, от которой по произвольной формуле всё экстраполируется в настоящее и будущее. Вы приносите в кабинет реальную, трудовую цифру, а его хозяин говорит: «Знаем мы, как вы там считаете...» – и даёт дальше другую, более удобную для себя и для начальства цифру. Вот что происходит. А я среди подлинных статистиков, при всем своем критическом отношении к людям, никаких фальшивомонетчиков не встречал.

«ЗАВТРА». Да, для большинства наших руководителей главное – не интересы дела, а пиар. Они считают, что образ действительности можно навязать любой, а дальше – хоть трава не расти. Но это еще возможно, когда у людей есть хоть какая-то уверенность в нынешнем дне и какая-то надежда на завтра. А сейчас у нас на дворе кризис. Каким он видится через волшебный кристалл современной статистики?

В. С. Знаете, я всю жизнь занимался измерениями и подсчетами, поэтому о том, что невозможно измерить и подсчитать, говорить не могу. Кризис должен быть прежде всего измерен и подсчитан, у него должны быть какие-то определенные параметры. А у нынешнего кри-

зиса никаких вразумительных параметров нет: ни по источникам происхождения, ни по формам проявления, ни по возможным последствиям. Так о чем мы говорим?

«ЗАВТРА». Фондовые рынки падают...

В. С. Индексы фондовых рынков и курсов валют, весь «форексный» рынок – фальшивые и, скорее всего, даже мошеннические параметры кризиса. Они отражают интересы отдельно взятых групп людей, которые на этих рынках крутятся, но не интересы всей экономики и не интересы остальной части населения. Следовательно, надо бы начинать с пересмотра всех этих индексов, чтобы мы могли знать, что представляют собой не 30 компаний по индексу Доу-Джонса, их издержки, продажи и прибыли, но всех участников мирового рынка, а это около миллиарда предприятий, из них примерно 50 тысяч крупных и крупнейших компаний.

Если бы всё это учитывалось, лживость, причем намеренная лживость нынешних фондовых индексов и валютных курсов стала бы очевидной для всех. И когда индексы Доу-Джонса говорят вам о том, что надо активы продавать, на самом деле их надо покупать, и наоборот.

«ЗАВТРА». Что китайцы сейчас, на фоне кризиса, благополучно и делают...

В. С. Что китайцы и делают. Но не только китайцы, и не это главное. Главное вот в чем. Если бы «группа Доу-Джонса», назовем её так, хотела что-то вразумительно отрегулировать, она бы прежде всего занялась инвентаризацией своих активов. Но ведь этого не происходит! Реальные активы скрываются, фальшивые банкротятся, и на этом, именно на этом сегодня делаются многомиллиардные состояния.

«ЗАВТРА». Всё это происходит при стремительном росте денежной, прежде всего долларовой массы.

В. С. Конечно. Но ведь вам никогда и нигде не назовут официально паритетный курс национальной валюты к тому же доллару. Обменный есть на каждом углу, а паритетного – нет. Не подсчитан. Потому что, во-первых, Америка не раскрывает свои активы – не с чем сравнивать. А во-вторых, мы не знаем, что творится в нашей собственной экономике, где, что и кому принадлежит – нечего сравнивать. Вы что, думаете, это всё – случайность?

Знаете, за что знаменитого Кейнса прогнали в 1944 году с Бреттон-Вудской конференции? За то, что он сказал: хорошо, вводите доллар как международную валютную единицу. Но – как международный доллар. Красьте его по-другому, чем доллар национальный.

«ЗАВТРА». Товарищ не понял...

В. С. Да, не понял. Но тогда резервация национального и международного доллара имела бы разнонаправленные векторы движения, а не один и тот же, что мы наблюдаем последние 50 лет.

«ЗАВТРА». Сорос тоже недавно предложил перейти к новой мировой валюте на основе SDR.

В. С. Нет, SDR, или специальные права заимствования – это такая карманная валюта МВФ, которая устанавливается, в общем, так же произвольно, как обменный курс доллара. А я говорю о реальном курсе на основе паритета покупательной способности (ППС) национальных валют. Ведь если вы не имеете знания о паритетном курсе, вы будете работать в ложной системе координат, а это всё равно, что стрелять из кривого ружья.

Казалось бы, всё просто, но в этом случае любые спекулятивные операции окажутся невозможными. Введите платежную систему, основанную на ППС, – и вы сразу отсечете от рынка всех спекулянтов. И спекулянты сразу наймут бандитов, обычных или политических, которые вас убьют, а принятые вами законы перепишут обратно. В этом суть дела.

«ЗАВТРА». Но всё-таки, Василий Михайлович, как вы считаете: основной источник кризиса – это избыточная масса долларов, или что-то другое?

В. С. Если говорить научным языком, то основным источником кризиса является кратное превышение обязательств по сравнению с активами. Ни контроля за обязательствами, ни инвентаризации активов в мире не существует уже после Великой войны 1914—1918 годов.

Нет органа, который хотя бы внешне этот контроль осуществлял и эту инвентаризацию проводил. Уже Финансовый комитет Лиги наций в промежутке между двумя мировыми войнами эти функции осуществлял только для вида, формально. Всё пущено на самотёк. И обязательств набрано в десятки, в сотни раз больше, чем существует активов во всем мире. Поэтому налицо всеобщий кризис доверия – и не надо было доверять, задним числом. Но все играли в азартные финансовые игры с надеждой на выигрыш. И доигрались.

«ЗАВТРА». А что дальше? Если обязательств много, а активов мало, то какие обязательства будут обеспечиваться, и почему, а какие – нет? Как выглядят возможные выходы из этой кризисной ситуации?

В. С. Во-первых, обязательства есть разного рода. Если говорить о неучтенных, «мусорных» обязательствах, то их сумма в мире уже явно переваливает за сто квадриллионов, это десять в шестнадцатой степени, виртуальных долларов. Авалированных обязательств, то есть в какой-то степени учтенных банками и другими финансовыми организациями, – таких на 600 триллионов долларов. А активов – всего на 60. И вопрос о том, как сблизить эти цифры, является вопросом выхода из кризиса.

«ЗАВТРА». Ответы могут быть разные?

В. С. Конечно. Если по-хорошему, без войны, то надо квалифицировать все имеющиеся обязательства и произвести их соответственное дисконтирование, включая вывод значительной части этих обязательств как заведомо фиктивных и не путать их с реальными обязательствами. И если вы начнете разбираться, то очень быстро, за два-три месяца, дойдете до реальных активов, которые теперь не работают, вы их раскроете, возвратите их в экономический оборот. И начните это с таких корпораций, как «Enron» и «Artur Anderssen». Дайте там возможность провести даже не аудит, а примитивную советскую ревизию. А уже по установленным в результате такой инвентаризации фактам хищений открывать уголовные дела. Без этой процедуры инвентаризации, т.е. ответа на вопрос, кто и как увел с рынка реальные активы и подменил их фиктивными, с кризисом не справиться.

«ЗАВТРА». А почему всё скачет и обесценивается?

В. С. Да потому что иностранные собственники российских предприятий сейчас выводят свои капиталы обратно. 87% нашего валютного и биржевого рынка – это нерезиденты. Как Путин или Медведев им скажет: «Не будем вам ничего платить! Зафиксируем курс на уровне 23 или там 15 рублей за доллар: не хотите – не покупайте!»? А ему ответят: «Отдавай тогда наши доллары!» Где их брать? В Стабфонде? Так давайте говорить честно – это не наши деньги, которыми мы можем свободно распоряжаться, а наше обеспечение по долгам российских корпораций с иностранным участием.

Когда наркотик ввели в организм – его оттуда просто так не вытащишь. Болтать можно что угодно – только всё будет впустую. Там наркотик. И очищать от него организм – очень долгая и дорогая необходимость.

Вот в чем реальная проблема.

«ЗАВТРА». Василий Михайлович, а как же и когда так получилось, что у нас всё стало иностранной собственностью?

В. С. Это результат приватизации.

«ЗАВТРА». А есть ли выход? Может быть, какая-то восточная модель, японская или китайская, ближе к нему, чем американская?

В. С. Выход есть. Надо отвечать на вопрос, где деньги, надо отвечать на вопрос, какими потоками образована дыра, надо установить, кто конкретно отвечает за её возникновение и надо востребовать деньги с того, кто незаконно их присвоил и удерживает. Сегодня главная беда мировой экономики заключается как раз в том, что деньги не работают на две трети. Я уже говорил, что у нас происходит, но то же самое происходит во всем мире: вода есть, но вентили перекрыты, всё работает еле-еле, на голодном пайке.

«ЗАВТРА». Значит, нулевые ставки западных банков – это фикция?

В. С. Конечно, фикция. Даже в Японии, где банки десятилетия работают по нулевым ставкам – и не разоряются. Как такое возможно? Потому что эти ставки компенсируются через другие финансовые обязательства, подпадающие под самое жесткое государственное регулирование. Попробуй только пикни и попробуй не туда деньги направь – тебе быстро мозги на асфальт вправят.

«ЗАВТРА». Знаете, недавно Егору Гайдару задали вопрос, почему на Западе снижают ставки, а у нас – нет. И он ответил в том духе, что там же белые люди, и нам до них еще расти и расти, – именно поэтому?

В. С. Именно поэтому. А вот на вопрос, куда делись деньги вкладчиков советского Сбербанка, Гайдар вам не ответит никогда. То есть ответит, что во всем виноваты проклятые коммунисты, которые понавывпускали ничем не обеспеченных «деревянных» рублей, и ему вместе с Чубайсом и другими «реформаторами» пришлось спасать Россию от голода и холода. Хорошо, давайте посчитаем всё, что сделали проклятые коммунисты. Оказывается, документов нет, они уничтожены. Кто уничтожил? Неизвестно. А кто допустил уничтожение? Сам Гайдар и его поделники. Но они тут ни при чем, у них презумпция невиновности. Всё, круг замкнулся. Вам понятно, что происходило у нас и что сегодня происходит в мире?

Америка должна 14 триллионов долларов – 46,6 (десять лет назад было 17,7) тыс. долл. на человека. Это совокупный государственный долг, внутренний и внешний. Если брать реальный, а не номинальный ВВП США, то она их и в три года не заработает. Если у Обамы на руках есть два триллиона долларов, больше не будет, а гасить надо десять триллионов текущего долга, пирамида больше не растёт, то как выходить из положения? Либо банкротить страну и объявлять дефолт, либо навязать участие в своем долге другим странам: мол, мы все перед лицом кризиса должны объединить усилия и так далее – ну, вы это слышали. И наши лидеры, не зная, что это за кризис, сколько придется платить, – практически подписываются под чистым листом бумаги, куда их американские партнеры впишут любую нужную им сумму? Нет, я не знаю, какие там существуют договоренности и обязательства. Поэтому я не склонен огульно критиковать действия ни российских, ни американских властей. Я по объективным экономическим параметрам говорю: без инвентаризации, параметризации активов и обязательств никакого выхода из кризиса не будет. Нужно установить параметры самого кризиса, параметры тех механизмов, которые в этот кризис ввели, и параметры тех механизмов, которые могут из этого кризиса вывести.

Беды еще нет. Пока налицо нехватка денег, но худо-бедно мир продолжает платить. Следующим шагом, который сегодня усиленно готовят, будет дефолт или отложенные платежи. Уже максимум через полгода Америке будет нечем платить по своим текущим долгам. И те спекулятивные телодвижения вокруг доллара, которые мы сегодня наблюдаем, способны разве что продлить и усилить агонию. Это паллиативные средства, которые дают эффект на протяжении только очень короткого времени.

«ЗАВТРА». А может ли Америка пойти на отказ от доллара и ввести новую валюту – например, амеро?

В.С.С обывательской точки зрения, она может сделать это в любой момент: хоть сегодня, хоть завтра. На долларе ведь не написано ничего, кроме того, что это – легальное платежное средство для всех расчетов, выпущенное Федеральной резервной системой США. «In God we trust» – и ничего больше: никаких ограничений и никаких обязательств.

А если говорить серьезно, то поправка 1973 года к Бреттон-Вудскому соглашению, зафиксированная МВФ, утвердила доллар в качестве международного финансового обязательства, а по таким обязательствам надо платить.

«ЗАВТРА». То есть у глобальной финансовой системы и у Америки нет реальных шансов выйти из этой ситуации без войны?

В. С. А что делает картежник, когда он всё проиграл? Скатерть – со стола, канделябры в ход!

У Америки нет реальных активов. Зато у нее много фиктивных активов, которыми она хотела бы заместить реальные. Но не может. А если она через два года не отдаст два триллиона валютных резервов Китаю, китайцы обрушат всю свою мощь на Америку.

«ЗАВТРА». Каким образом?

В. С. Они знают, как. Более 20 миллионов азиатов, живущих в США, это знают. Там латиноамериканцев много, негров, так что страну, основанную белыми англо-саксонскими протестантами, вы очень скоро не узнаете. Та же картина, что в Советском Союзе: как только число русских снизилось до половины населения – стране пришел конец. От половины до двух третей – пограничная критическая зона.

Но войны такой классической, конечно, не будет. А будет что-то наподобие нашей перестройки. Если американцы не найдут эти два триллиона. Спрашивается, где их взять? С России не возьмешь – нет здесь уже таких денег. А российской территорией китайцы не возьмут – зачем? Им нужно готовое сырье, а не его добыча вахтовым методом. С нефтяных исламских государств, наподобие Ирана и Саудовской Аравии? С Европы? С Японии? В принципе, можно, но там ведь тоже не дураки сидят...

«ЗАВТРА». А Китай понимает все эти процессы? У него, на ваш взгляд, существует своя стратегическая линия, проложенная в других системах координат?

В. С. В Китае выстроена почти самодостаточная экономическая система, минимально зависящая от внешнего рынка даже по продажам, потому что если даже экспорт в Америку сократится в четыре раза, китайская экономика всё равно будет идти в плюсе. Правда, она будет давать не 10—15% годового прироста в натуральном измерении, а 4—5%. Это очень нормальная ситуация.

Но экономика Китая, при всех своих плюсах, имеет один весьма существенный порок: она основана на очень низком уровне компенсации труда. Это рано или поздно взорвется, если только пекинские товарищи своевременно не изменят свой курс и не повысят средний уровень зарплаты примерно в четыре раза. Тогда там будет полный перфект. А если нет – лет через 20 всё рухнет и там.

Реально Китай претендует на 40% мировой экономики. Так было 2000 лет назад, так, наверное, случится в ближайшие сто лет. Это такие сверхдлинные волны в экономике, изучением которых я сегодня занимаюсь именно со статистических позиций.

«ЗАВТРА». А Россия?

В. С. Скажу честно: к величайшему сожалению, в обозримой перспективе лет ничего кардинально нового я для нашей страны не вижу. В 90-е годы мы прошли «точку невозврата». При нынешних международных обязательствах мы не можем вернуться обратно, или каким-то усилием политической воли перейти на китайскую модель. Мы вынуждены вписываться в глобальную экономику. Китай развивается на собственной основе, а мы – на «вхождении в глобальный рынок».

Тут вот мы много говорили о «валютной зоне рубля», о рубле как мировой резервной валюте. Да не будет такой зоны и не будет рубль резервной валютой! Потому что для этого сегодня нужно иметь ВВП на уровне десять триллионов долларов, а у нас при хорошем счете даже двух не наберется. Ну, это как если бы вы с сотней тысячей долларов в кармане пришли покупать новый «Майбах». Так он под миллион стоит. Наличными, в кассу, пожалуйста. Нет? В кредит хотите? До свидания, у нас очередь, работаем под заказ.

Нужно гарантировать соответствующий резерв, который будет размещен в международной платежной системе, существующей или вновь созданной. Да, с нами могут и хотят торговать на рубли и китайцы, и турки, и арабы, и другие могут подтянуться. Но какие гарантии мы им способны предоставить? Акции «Газпрома»? Так «Газпром» стоил четыреста миллиардов,

а сегодня не стоит и пятидесяти, упала капитализация в восемь раз. Или Чубайса как «самого эффективного менеджера»? Или «мертвые души» заложите с вашей убылью населения? Что?!

Кроме того, международная платежная система, основанная на конвертируемом рубле – это объявленная война всей нынешней мировой финансовой системе. Разве мы воевать готовы? Нет, мы вынуждены дружить! А зря – фиктивные финансовые институты должны быть разрушены. Иначе будет разрушен весь мировой порядок.

Две вещи делают нашу перспективу проблематичной. Первая – это реальная производительность труда. У нас она за годы «реформ» снизилась примерно наполовину. Вторая – это низкий уровень оплаты труда. Российскому работнику в среднем платят за единицу произведенного продукта примерно в 2—3 раза меньше, чем на Западе. Вот и получается, что наш человек отстает от того же американца по производительности в четыре раза, а по зарплате – в десять раз. Спрашивается, в таких условиях, зачем ему работать больше и лучше? Не нужно ему это! Ему не нужно, соседу не нужно, всем не нужно. Страна стоит без работы уже на треть! А будет стоять наполовину, на две трети!

Экономика страны уже многие годы развивается с убывающей эффективностью. Еще с большими убытками в стране выстроена и функционирует социальная сфера, вложения в которую расходуются во многом впустую: вложения есть, и немалые, а отдачи нет или она крайне мала, чтобы позитивно влиять на единение и возрождение народа.

Любая социально-экономическая система, которая проедает много больше, чем создает, долго так жить и развиваться не может. И в России, как, впрочем, и во всем остальном мире, кризис сегодня здесь, а не на фондовом рынке. Дутые активы, фиктивные капиталы, мнимые рейтинги, спекулятивные курсы валют и акций, инсценированные банкротства и фантастические потери, – это всего лишь прикрытие, корыстной игры в кризис, которые лишь грамотными и прозрачными расчётами могут быть разоблачены. Поэтому давайте грамотно и прозрачно считать. И чем скорее это будет сделано, тем меньшей будет плата за кризис.

Иначе считать и править бал продолжат мошенники. Уберите мошенников и отдайте расчёты в руки профессионалов – кризисов больше не будет.

«ЗАВТРА». Спасибо, Василий Михайлович, за содержательную беседу. Надеемся, она окажется не последней на страницах нашей газеты.

Материал подготовили Александр Нагорный и Николай Коньков

Страсти по краху

Газета «Завтра» Номер 44 (832) от 28 октября 2009 г.

Василий Симчера

«Кризис – это вы». Именно так встречают все нынешние мировые саммиты антиглобалисты. И не только они. И угрожают: «Расплачиваться за кризис будете вы, а не мы! Не расплатитесь – мы взорвём ваши ворованные капиталы. От ответственности не уйдёте. Мы вас из-под земли достанем!» Так у них, антиглобалистов, принято. Текущий кризис утопает во лжи. С одной стороны, более двух миллиардов людей на нашей планете страдают, и десятки миллионов из них ежегодно умирают от голода, с другой – вовсю разглагольствуют о кризисе перепроизводства. С одной стороны, в мире свыше 300 млн. безработных, людей обманывают, нарушая всякие конвенции и нормы МОТ, нагло урезают и не выдают заработанные деньги; с другой стороны – вопят о кризисе платежеспособного спроса. С одной стороны, увеличивают пенсии и пособия; с другой – кратно повышают налоги и цены, усугубляют абсолютное обнищание людей. С одной стороны, расхищают и нерационально используют мировые ресурсы, немерено растут масштабы взяток, потерь и убытков, наращивают издержки; с другой – ратуют за борьбу с коррупцией и снижение инфляции. Наконец, с одной стороны, из года в год в громадных масштабах уводят реальные инвестиции с рынков производства, попирая все не только экономические, но и нравственные законы, воспевают гедонизм, девальвируют ценности технического прогресса, труда и производства, уничтожают основы и смыслы развития; а с другой стороны – имитируют стабильность и декоративный рост, наводняя рынки фиктивными капиталами, демонизируют кризис, преступно доводя дело до международного дефолта и всеобщего социального взрыва. Скрывая, а не обнажая истинное лицо кризиса, его подлинные причины и цели, смещая центр ответственности с прожженных мошенников на народ, продлевая агонию доллара, власть предержащие повсеместно усугубляют положение дел.

Кризис – это необъявленная война. Война богатых против бедных. Как и всякая война, для людей – это беда, а для бизнеса – мать родна. Изопращенное мошенничество, вранье, нажива и клятвы всё исправить, понятия не имея, как, – привилегия богатых. В результате бедные из кризиса выходят еще более бедными, а богатые, говорят, якобы справедливо и на равном для всех удалении от власти, по одним законам счастливого случая и невероятного везения, – становятся еще богаче.

Если бы не было кризиса – его бы заказали, а в отсутствие заказчика – просто выдумали. «Элите» надо же чем-то устрашать народы и объяснять собственные провалы. Особенно – общемировые социально-экономические провалы.

Коммунистическими угрозами и «империями зла» уже давно никого не обманешь. Терроризм как угроза другим террористам, как рядовая разборка паханов – сегодня всем тоже изрядно надоел. Пугать бедностью и эпидемиями недостаточно. Вот и пришёл на подмогу кризис. Точно так же, как на смену угрозе применения атомной бомбы в свое время пришел коммунизм, а вслед за ним терроризм.

В своей сущности кризис – это перманентное состояние любого общественного строя, как и любого живого организма, функционирующего на стихийных началах анархии (читай – неуправляемости), вероятностном исходе (читай – равенстве шансов, жребии) и воле случая (читай – слепом совпадении).

Разве 40 лет назад (70-е годы XXв.) спрос во всем мире не превышал предложение? А 80 лет тому назад (30-е годы, XX в.) предложение тотально не превышало спрос? Или 200 или 2000 лет тому назад в мире не было стихийных колебаний цен, инфляции, дефолтов, банкротств, разоблачений, самоубийств, аферистов, казнокрадства, голода, бунтов и революций? И разве в условиях господства стихии, хаоса и катастроф всё это не происходит сегодня

у нас на глазах? С какой-либо, пусть ничтожно малой вероятностью, может быть исключено когда-либо в будущем?

Нет такой науки, нет таких методов, а есть одни авантюристы, которые в условиях господства полной неопределенности, какой является рыночная стихия, берутся предсказывать будущее. Как пример, назову оценку шансов роста курса доллара на 60—90% и соответственно снижения курса рубля в России с вероятностью 0,954 с коэффициентом доверия 2 к концу текущего года, принадлежащую одному из самых авторитетных рейтинговых агентств мира.

Чем больше стихии – тем выше градус неопределенности, энтропии (хаоса) и, следовательно, кризисных явлений. Хотите уменьшить градус кризиса – понижайте уровень стихии и хаоса в общественном развитии, переходите от тщетных попыток рыночного управления случайными процессами к методам планового управления, основанным на знании законов общественного развития. Нынешний кризис, как никакой другой раньше, со всей определенностью показал, что целеполагающе управлять детерминированными процессами, которыми в конечном итоге являются все социально-экономические процессы, при помощи индетерминированных методов, какими являются так называемые рыночные методы, равно как и управлять хаосом при помощи детерминированных методов, какими являются современные методы государственного регулирования, – бесполезно.

Науке хорошо известно, что все сложные задачи имеют очень простые для понимания неправильные решения. Системная ошибка всех попыток управления рыночной стихией (и далее: паникой, ажиотажем, кризисами и хаосом...) заключается в том, что все их сложные задачи, представляющие предмет дифференциального исчисления (а практически все рыночные задачи есть дифференциальные задачи), ныне решаются интегральными методами, которые для этого в принципе непригодны. И всего лишь потому, что эти методы более просты и доступны для понимания. Простое и доступное, оказывается, не всегда лучшее – точно так же, как самое дорогое не всегда – самое полезное и ценное. Исход стихии непостижим и непредсказуем. Стихией нельзя управлять, ее нельзя объяснить, от нее можно только уходить и избавляться, ее можно только запомнить! И рыночная стихия как одна из самых страшных и сложных, – не исключение, а, скорее, правило. И сегодня, быть может, самое яркое и поучительное правило. Спрашивается, почему же сегодня развелось так много охотников и школ управления стихией? Похоже, эти люди, включая и многих лауреатов Нобелевских премий, просто не знают, что управлять стихией невозможно и бесполезно.

Проанализируйте их предсказания (все без исключения провальные) – и вы в этом сами легко убедитесь! Где сегодня прогнозы Пирсона, Персонса, Гринспена, Манделла, Полсона и многих других рыночных гуру и где реальные рыночные индексы? Ошибки в разы и на порядки! Эти люди возомнили, что, зная кое-какие приёмы и методы счёта, они автоматически стали настолько же знать природу объекта, к которому применяются эти приёмы и методы...

Где выход? И не только в России, на которой сегодня излишне искусственно концентрируется внимание, а на родине кризиса, где всё сложнее и откуда дует ветер? Антикризисные меры и привлекаемые ценой ухудшения жизни людей долларовые триллионы? Меры есть, триллионы тоже, а выхода нет. И не будет! Ибо это – дежурная реакция и не на причины, а на следствия кризиса. Своего рода хорошая мина при плохой игре. Не больше!

Вопреки притворным угрозам и скандалам (но не разоблачениям) истинные виновники кризиса, эти волки в овечьей шкуре, повсеместно остаются не только на плаву, но и становятся главными антикризисными управляющими. Их, если и освобождают от прежних должностей, то лишь потому, чтобы назначить на более высокие. И сегодня, кому расплачиваться за кризис, решают именно они, а не народ и не суды. И решают однозначно: ресурсы и средства, выделяемые на реализацию антикризисных программ, – им, ответственность и ущерб – народу. В мире налицо если не кризис демократии, то кризис кадрового жанра. Однако добровольно смены

властного аппарата, как и добровольной революции, о чем сегодня только ленивые не рассуждают, история не знает и вряд ли когда-либо узнает.

Ни тебе плебисцита, ни нового Нюрнбергского процесса. На горизонте – одни хорошо инсценированные антиглобалисты. А ведь бед, разрушенных судеб и материального ущерба ими наделано много раз больше, чем было причинено человечеству всеми вместе взятыми войнами. Почувствуйте разницу всего между двумя цифрами: 60, в том числе 23,7 в США, реальных, а не дутых трлн. USD в этот раз и 6 (не ошибка, шесть) трлн. USD за всю историю существования человеческого рода. Уточним, что из 60 только малая доля (7, в том числе 3 трлн. долл. в США) может быть компенсирована за счет увеличения государственного долга, а всё остальное ляжет на плечи трудящихся народов. Напомним, что вся Вторая мировая война обошлась человечеству в 1,2 трлн. USD, в том числе СССР – в 420 млрд. USD. И если вы сами лично еще не почувствовали разницу – вы ее почувствуете очень скоро. Кризис и в мире, и в России крепчает.

Современный либеральный мир, несмотря на все его хваленые демократические свободы и ценности, практически в одночасье стал трещать по всем швам и непостижимо быстро рассыпаться на куски. В сравнении с прежним, осужденным за догматизм и тоталитаризм, консервативным миром, он не выдержал живой конкуренции ни по одному из сколько-либо значимых параметров.

Опыт человеческой истории показывает, что любая общественная формация, если это только действительно общественная формация, как и любой нормальный человек, так мало не живут. Что же на фоне столь напористой и самоуверенной поступи неолибералов на самом деле в столь короткое время могло случиться? Кто виновник смердящей агонии? И, главное, каковы причины столь скандального разворота, в частности, и конкретно причины столь позорно быстро разразившегося кризиса на современной мировой арене? Что это на самом деле: кризис или псевдокризис? И если кризис, то чего: производства, спроса банков, фондовых бирж, финансов? Или это кризис капитализма, его ценностей, жанров, власти, его афер и преступлений?

Суть ответов в самой короткой форме в том, что современное бизнес-сообщество на нынешнем витке своего развития вместо мира действительно транспарентных решений и обретения по-настоящему реальных ценностей, на правопреемственное приумножение которых оно претендовало, на самом деле совершало псевдотранспарентные действия и обретало по преимуществу одни притворные ценности, включая фальшивые активы и генетически модифицированные продукты, срок жизни которых, как известно, объективно мал и ни при каких обстоятельствах продлению не подлежит.

Весь человеческий род, а не только отдельно взятые народы и страны, под предлогом избавления от коммунистической «заразы» в массовых масштабах и без особых сомнений и размышлений разрушая почем зря мир реальных ценностей, насколько только возможно, поспешно стал дрейфовать в сторону мира виртуальных ценностей, созидая новый якобы либеральный, а на самом деле лживый мир, в котором:

– измышления и вранье в одночасье были поставлены выше правды, материальное – выше духовного, а личное – выше общего, эгоизм выше патриотизма, а корысть, служение себе – выше служения Отечеству;

– свобода и анархия – выше порядка, а формальное равенство и справедливость – выше милосердия;

– прибыль – выше блага, выгода и нажива – выше чести и достоинства, а воровство и зло – выше добра;

– отклонения от нормы – выше самой нормы, культ и ценности извращенцев – выше культа и ценностей здоровых людей, а гедонизм, меньшие или вовсе ничтожные сиюминутные удовольствия и интересы – выше много больших будущих удовольствий и интересов;

– преступление – выше наказания, а цена жизни преступника – выше цены жизни жертвы.

Бизнес стал концентрировать все свои ресурсы и цели на выгодах и наживе, и полностью порвал не только с государством и обществом, но и с производством. Духовные эффекты материального производства перестали его интересовать. А на этой почве были утрачены и материальные эффекты духовного производства, которое бизнес, в отличие от прошлых времен, тоже прекратил окормлять. Не товары и услуги, не блага, заключенные в них, а голые деньги – вот что от мала до велика производят современные фабрики и заводы. Виртуальность, со всеми перечисленными рядами мнимых ценностей, стала выше реальности. Сегодня решает дело не что почем, а как кто и в интересах кого производит. Сегодня решают дело не люди, не закон, не власть. И отнюдь даже не рынок и его преступные кланы. Сегодня под прикрытием воли слепого случая и притворного торжества принципа равных жизненных шансов решают дело неизвестные силы, единственным продуктом деятельности которых является сговор. Не жребий, не паника, не революция, не хаос, – но сговор. Истоки, масштабы, агенты и последствия которого – вечная тайна тайн, начала и конец которой неведомы и непостижимы.

Что-то там открыто регулировать, планировать, видоизменять и, следовательно, впоследствии за это персонально отвечать – дело трудное, опасное и дорогостоящее. Не то что рынок, который при помощи механизма спроса и предложения всё якобы сам наладит. При этом якобы без потерь и якобы абсолютно бесплатно. Правда, сегодня и рынок дает сбои, спрос кратно превышает предложение, а предложение в то же время в разы превышает спрос, за что общество на системной основе платит на порядок больше, чем за план. Сегодня, оказывается, уже и рынок плох, но человечество, как утверждают псевдомократы, не придумало ничего лучше рынка. А потому, мол, придётся мириться с рынком, лишь бы не возвращаться к плану.

Конечно, человечество на протяжении всей истории своего существования не раз и не два сталкивалось с откровенным враньем и подлогами, жесткостью и преступлениями. Но ныне откровенной истиной является тот факт, что человеческое общество, быть может, впервые в своей истории, имеет дело не с какими-то ОПГ (организованными преступными группировками), но с тотальным организованным преступным миром – ОПМ, как качественно новым феноменом, в условиях господства которого мистика, иррациональность и безумство – выше нормы, расчета и здравого смысла, инстинкт – выше интеллекта, страх, вражда и произвол – выше знания, дружбы и порядка, а деньги и нажива – выше самой жизни.

И самое чудовищное состоит в том, что весь этот беззастенчиво и беспредельно извращенный ОПМ, весь этот мерзкий базар паханов и гангстеров, преступно сам себя наделивший властью и купивший таким образом человеческое обличье, выступает сегодня гарантом торжества добра над злом, блага над бедой, просвещения над мракобесием, демократии над тоталитаризмом, капитализма над социализмом, продолжая ежечасно и ежеминутно, на каждом шагу, культивировать деградацию, разврат, нищету и преступность.

Что в конечном итоге?

В результате такой преступный и притворный мир, на содержание которого сегодня тратится вся 2/3 существующих ресурсов, мир, который ничего не продуцирует, но всё проедает, становится главной реальностью. И, напротив – в виртуальность, мир метафизики, превращается реальный мир, мир, на который тратится сегодня мене 1/3 вместо прежних 3/4 всех ресурсов, мир с убывающей эффективностью производства, угрожающий девальвацией, деградацией и деструкцией всех основ современной жизнедеятельности и жизни. Одни угрозы и никаких прогнозов – вот будущее такого полноценно лживого мира.

Понятно, что мир, который выстраивается на таких началах, не имеет никаких шансов на выживание и, чтобы не погибнуть, подлежит тотальной переоценке и коренному переустройству.

Что должно быть переоценено и пересмотрено в первую очередь? На эти вопросы не только отдельно взятый ученый, но и весь ученый мир, взятый вместе, дать адекватные

ответы по определению не может. Адекватные ответы на эти вопросы – в руках народов всего земного шара. Смогут они и дальше терпеть всю нынешнюю грязь, мерзость и злобу – кризис с заранее известными исходами будет продолжаться. Не смогут – такой мир неотвратимо рухнет. Рухнет потому, что это – мир лжи.

Спрашивается, стоит ли нам, империи развития, социальному государству, стране уцелевшего милосердия, присоединяться к этой лжи? Не пора ли одуматься? И не силой, и не ухищрениями, а правдой жизни звать их идти за нами, а не нам дальше плестись в хвосте и умыться их фальшивыми ценностями. Ведь целых двадцать прошлых лет горбачевского нового «мышления» (с ударением над «ы»), увенчанные нынешним кризисом страстей, должны были нас чему-то научить! Научили ли? На главный вопрос сегодня кризисных страстей ответа нет. Мировое казино процветает, казна (читай – ФРС США) пуста, король (читай – тайное мировое правительство) гол.

Любой кризис – это всегда беда. Как нормальные люди избавляются от беды – известно. Даже в эгоистических штатах Америки это понимают. Раздали же власти в прошлом году каждому американцу по тысяче (и даже больше) долларов на душу. У нас так не поступили. А ведь можно было компенсировать каждому его кризисные потери. Малому – малые, большому – большие. Но нет. Всё отдали большому «системообразующему» брату по принципу: друзьям всё, врагам ничего, остальным – закон. С врагами – понятно. А с остальными? Остальные же – это ведь наши малые и средние предприятия (их более 5 млн.) и далее – весь наш работающий народ. Они-то больше всех потеряли. Оказывается, им, кроме закона и красивых обещаний, – ничего. А ведь, по справедливости, это они у нас – системообразующие. Властям нашей страны сегодня надо употребить все меры, чтобы за людское добро (и долготерпение) заплатить по справедливости.

Автор – профессор, вице-президент Академии экономических наук

Курсом на рифы

Газета «Завтра» номер 35 (876) от 1 сентября 2010 г.

*Так вели корабль советской экономики с 60-х годов прошлого века, утверждает видный отечественный экономист **Василий Симчера***

«ЗАВТРА». Василий Михайлович, мы обратились к вам как одному из ведущих отечественных экономистов-статистиков с просьбой ответить на следующие вопросы: стоял ли Советский Союз в годы «перестройки» на грани экономической катастрофы, оказались ли для нашей страны спасением «рыночные реформы» 90-х годов и существовала ли альтернатива тому пути, по которому пошла тогда и продолжает идти сегодня «пореформенная» Россия?

Василий СИМЧЕРА. Вы ставите фундаментальные вопросы, требующие фундаментальных ответов. Но в упрощенном виде скажу, что статистические показатели в 1990—91 годах были как минимум на уровне прежних годов. Страна собрала в тот финансовый год хороший урожай, добыча нефти и газа, равно как и их экспортные объемы не уступали прежним. Соответственно, Госбанк СССР и совзагранбанки имели крупные валютные поступления на свои счета. Повысились, а не понизились темпы роста зарплаты и реальных доходов населения. Отсюда следует, что «голод, пустая казна и экономическая катастрофа» в те годы являлись не более чем политическим блефом, созданным тогда еще скрытыми ненавистниками СССР для реализации совершенно иных, политических задач.

«ЗАВТРА». Но положение в советской экономике было все же достаточно сложным?

В. С. Разумеется, как и во всякой большой системе, созревшей к тому времени для коренной модернизации. Как, например, в Китае накануне совершаемых ими блестящих реформ. Ведь со времени старта в нашей стране регулируемой рыночной экономики (1965 год, т.н. «косыгинский хозрасчет») производительные силы по-прежнему росли (в стране за эти годы было построено более 12,5 тысяч крупных и крупнейших заводов), а производственные отношения стали топтаться на месте и деградировать. Сложность обуславливалась, прежде всего, потерей ключевых нитей в механизме централизованного управления не имевшим аналогов в мире, крупнейшим народнохозяйственным комплексом, которой под предлогом «благих» начинаний Горбачева ловко воспользовались его сподвижники. В стране на деле стали разрушать экономические связи, дискредитировать и вести к неоправданному подрыву роли Госплана и Госснаба, как главных штабов хозяйственного управления, раздувать суверенитет местных республиканских властей и выборность директоров предприятий, нести всякий бред о социализме с человеческим лицом и кошельком в кармане лавочника-кооператора. И это далеко не полный перечень. Всё, что говорилось и писалось о горбачевской «перестройке», касалось (касается и теперь) в основном каких-то её отдельных следствий и мнений, а не причин и фактов. А причины, на мой взгляд, были заложены еще при Косыгине, когда под предлогом перевода страны на хозрасчёт с целью повышения эффективности советской экономики был совершен фактический отказ от социалистических по форме и рыночных по существу методов хозяйствования. В результате совершенно адекватная формула «от каждого по способностям, каждому по труду» уже тогда перестала работать, иждивенцы стали брать верх над тружениками, духовные эффекты материального производства и материальные эффекты духовного производства – этот фундамент нашего советского образа жизни и главная нравственная черта социалистического способа производства – приспособленцами всех мастей стали вытесняться из экономического оборота. Имя Косыгина и его авторитет как делового человека были использованы для того, чтобы этот обезличенный перевод осуществить.

«ЗАВТРА». Вы хотите сказать, что к «косыгинским» реформам 1965 года сам Алексей Николаевич не имел никакого отношения?

В. С. Нет, отношение к этим реформам он, конечно, имел, и самое непосредственное. Но на Западе эти реформы с самого начала называли вовсе не «косыгинскими», а «реформами Либермана», что куда ближе к истине. Однако для «внутреннего потребления», конечно, гораздо лучше звучала фамилия Косыгин, чем Либерман, хотя Алексей Николаевич, по сути, только утвердил личной подписью подготовленный вовсе не им самим вариант. С советской экономики за «золотую» восьмую пятилетку 1966—1970 годов просто «сняли сливки», а дальше всё пошло по нисходящей. Никакого «хозрасчёта» в результате не получилось, никакого «повышения эффективности» не было достигнуто, и страна с 10%-ного ежегодного прироста ВВП скатилась вначале до 5—6%, а затем, в годы Горбачева, и вовсе для тех времен жалких 3—4%.

«ЗАВТРА». По нынешним временам такие цифры – это тоже немало.

В. С. Немало, когда речь идет о реальных показателях ВВП. И мало в условиях тотальной инфляции, цифры которой (и в нашей стране, и во всем мире), как правило, занижаются, темпы роста и далее доля реального сектора экономики сокращаются. Рост финансовых и иных непроизводственных услуг, на которые в нашем нынешнем ВВП приходится основная его доля, скорее, усугубляет положение дел, чем по-настоящему замещает рост материального продукта. С учетом ненаблюдаемой экономики равноценный прирост ВВП у нас сегодня должен бы находиться на уровне 10—12% в год, что в два раза выше фактической нормы. При этом, согласно законам расширенного воспроизводства, рост материальной части ВВП должен бы идти в 1,3 раза опережающими темпами.

«ЗАВТРА». Василий Михайлович, а что вы подразумеваете, когда говорите: «нормальная страна»? Российская Федерация сегодня – «нормальная» страна или «ненормальная»?

В. С. Нормальная страна, как и нормальное хозяйство – это всё необходимое и ничего лишнего. И наоборот. СССР обустроивался как нормальная страна. Темпы и пропорции экономического развития находились в полном порядке. Как теперь, безумных диспаритетов, инфляции, социального неравенства, бедности, при «ломающихся» полках магазинов, забитых барахлом, диких объемах перепроизводства и убыточных распродажах и т.п., в СССР и в помине не было. Нормальная страна – это страна с устойчивой материально-технической базой, обеспечивающей расширенное воспроизводство людских и природных ресурсов, товаров, услуг и капиталов, норма потребления в которой не ниже 75%, а норма накопления – не ниже 25%, износ зданий, оборудования, ЖКХ в такой стране не может зашкаливать за 60%, а то и 70%, разрывы между доходами богатых и бедных не могут быть двузначными, а потенциал страны и, прежде всего, ее производственные мощности при тотальном дефиците и немыслимой дороговизне большинства товаров и услуг использоваться едва наполовину, а то и всего на треть. Только это, и ничего больше. Это – база, фундамент, на котором строится всё остальное, привычное и видимое нам здание общества и государства. Если такого фундамента нет, всё, что вы дальше строите: рынки, биржи, крыши (в прямом и переносном смысле) и всё прочее, вся лепнина и позолота, – в любой момент может рухнуть так, что костей не соберёшь. В мире существуют стандарты нормальной страны, которые у нас даже при попытках вступления в ВТО умудряются игнорировать.

Верно и другое: чтобы полностью разрушить любую экономически нормальную страну, какой был СССР, – если только без войны и атомных бомбёжек – нужно лет пятьдесят, не меньше. Потому что есть экономическая инерция, и этот маховик сразу остановить невозможно, он еще будет крутиться в затухающем режиме какое-то время. 30 тысяч крупных и средних предприятий, включая 5 тысяч крупнейших, – не уничтожишь ведь за раз, они будут еще жить, что-то производить, продавать, в том числе – на экспорт, и так далее. Но всё это время экономика страны будет ненормальной, и эта ненормальность будет только усиливаться, что в отношении нашей страны мы, собственно, и наблюдаем, в том числе с помощью статистики, на протяжении последних 45 лет.

Российская Федерация сегодня – это страна, которая примерно на две трети держится на инерционных остатках «советской империи», накоплений мало или вовсе нет – почти весь прирост капитала вывозится за рубеж и уже оттуда точно инвестируется в избранные отрасли экономики: как правило, ориентированные на экспорт сырья, но отнюдь не на расширение национального производства. Степень использования машиностроительных мощностей ниже нижнего предела (в пределах 35—40%), а степень их износа, измерение которого сейчас подменяют заниженными показателями амортизационных начислений, доходит до 75—80%.

У нас в стране среди руководителей предприятий, бизнесменов, занятых в реальном секторе экономики, ежегодно проводятся обследования экономической ситуации и оценки факторов, ограничивающих их деловую активность. Как вы думаете, какую основную причину, мешающую успешному развитию их дела, они устойчиво называют?

«ЗАВТРА». Наверное, отсутствие денег, высокие налоги и коррумпированное чиновничество?

В. С. Нет, уважаемые, – изношенность и нехватку оборудования. Им уже нечем работать. И нечем, потому что сейчас подавляющее большинство предприятий (за исключением сельскохозяйственных, где во время сезонных работ пашут еще по старинке, вручную) – работают в одну смену, порой неполный рабочий день. Оборудование старое, используется в лучшем случае на треть – откуда взяться нормальной продукции с низкой себестоимостью, минимальным отклонением от стандартов качества и конкурентоспособными ценами?

«ЗАВТРА». Но если «корень зла», по-вашему, лежит еще в «косыгинских» реформах, а их реализация началась практически сразу после смещения Хрущева и прихода к власти Брежнева, то два эти события оказываются волей-неволей тесно связаны между собой. Не значит ли это, что введенная Хрущевым система совнархозов работала эффективнее отраслевой?

В. С. Высшие хозяйственные заслуги Хрущева известны: он обкомы разьединил, а санузлы объединил. Инициированием совнархозов Хрущев, конечно, понизил градус централизации (по-нынешнему – вертикали) власти. Но темпы роста у нас оставались высокими: в 1965 г. у нас в последний раз был зафиксирован 10%-ный годовой прирост ВВП. Совнархозы как форма совершенствования территориального управления сыграли свою положительную роль. Их зря поспешно ликвидировали. Но начало конца связано не с совнархозами. Спад начался с отказа от принципов трудоемкого централизованного планового управления страной и фактического перехода на принципы децентрализованного управления, первой провальной ласточкой которого «косыгинские» реформы как раз и явились. Верх стали брать разного рода манипуляторы плана и рынка, алхимики и конвергенты разных систем, сторонники «автоматического» рыночного саморегулирования, противники принятия персональных решений. И хотя в стране всё еще имитировались технико-экономические обоснования (ТЭО) и плановые расчеты, в том числе оптимизационные расчеты с применением ЭВМ (80-е годы), утверждались пятилетние планы, но всё это в большей мере стало носить апостериорный и декоративный характер.

В результате цена вопроса любого решения стала волевым образом назначаться, а не априорно проектироваться и обосновываться как конкурентоспособная до, а не после принятия решений. Страна, не имея ни плана, ни рынка, стала терпеть (продолжает терпеть и сегодня) огромные убытки и упущенные выгоды. Кто видел (или хотя бы слышал) что-либо о ТЭО перестройки или ТЭО различных вариантов гайдаровской «либерализации цен» или приватизации в России?

Или где, например, сегодня ТЭО реализуемых национальных проектов, реконструкции Саяно-Шушенской ГЭС, строительства олимпийских объектов в Сочи или ликвидации и профилактики летних пожаров? Политические решения, пусть даже и самые хорошие, это ведь далеко не ТЭО. На них в России уже давно научились делать бизнес для себя, а не народа. Ведь, по правде говоря, на пожарах у нас некоторые не только пострадали, но и нажились. Спасе-

ние, как видим, не в рыночных решениях, а в точных именованных инженерно-экономических расчетах. У нас были времена похуже (НЭП, войны, голод), но таких масштабных потерь, как теперь, наша страна никогда раньше не знала.

Разверни именно так и тогда фронт намеченных реформ и удержи затем достигнутые в те годы 10%-ные темпы ежегодного прироста (при Сталине они были 15%-ные) СССР уже давно (в 90-е годы) стал бы абсолютным экономическим чемпионом мира. О каком ГКЧП и прочем тогда могла бы идти речь? Вот вам эффект правильного политического выбора. Горбачев и его команда не то что не хотели, – они оказались интеллектуально неспособными совершить такой выбор.

«ЗАВТРА». Тогда можно ли сказать, что хрущевские совнархозы работали лучше брежневских министерств, но хуже сталинских наркоматов?

В. С. Судить следует, опять-таки по фактам. Цифры говорят и без нас. Другое дело, что они не слишком известны. Брежневские министерства удерживали страну, но, лишённые настоящих, а не декоративных ТЭО, были менее эффективными. И не случайно, а скорее закономерено, что с 1965 года мы, по большому счёту, стали не столько прибавлять, сколько проедать то, что в стране было ранее накоплено и зарезервировано. А накоплено было столько, что можно было позволить себе и брежневский «застой», и последние двадцать лет экономического барства. Но этот период прошёл, ресурс закончился. Что дальше? Ведь до бесконечности такая «малина» продолжаться не может...

«ЗАВТРА». Василий Михайлович, давайте всё-таки остановимся на очевидной точке разлома описанного вами процесса: 1991 год, пустые полки магазинов, угроза голода, разгул антикоммунистической и антисоветской пропаганды, ГКЧП, крах Советского Союза. Правда ли, что наша страна стояла на грани социально-экономической катастрофы, и только «рыночные реформы»: либерализация цен, приватизация и так далее, – спасли тогда Россию?

В. С. Извините, но в 1990 году мы производили в два-три раза больше продукции, в том числе и продовольствия, чем сегодня. Был отличный урожай зерна, было свыше 100 млрд. долл. поступлений от экспорта, были, в конце концов, государственные резервы, в том числе на случай затяжной ядерной войны и преодоления её последствий, – куда всё это, по-вашему, в одночасье делось? Или, вернее, куда оно могло деться? Куда делись 140 млрд. долл. кредитов, набранных при Горбачеве? Это по 500 долларов на каждого гражданина СССР – что, мы их «проели» тогда, или их у нас мимо рта куда-то в другое место пронесли?

У Советского Союза было в собственности, полной или частичной, почти полторы тысячи крупных и крупнейших предприятий за рубежом, это не считая недвижимости, активов совзагранбанков и прочей «мелочевки». Где они теперь, кому приносят прибыль, кому принадлежат? Что, все эти предприятия все эти годы работали в убыток? Например, гигантский Бхилайский металлургический комбинат в Индии? Может, Управлению делами Президента РФ, которое ведаёт российской собственностью за рубежом, надо хотя бы раз отчитаться перед Государственной думой по этой теме, пусть там Счетная палата поработает, пусть специальную комиссию создадут, пусть исследуют, что к чему? А то за двадцать лет как-то ни разу не удосужились – это же не иголка в стогу сена, спрятать все не так просто. Или погибшие товарищи Пуго и Кручина забрали с собой на тот свет все эти капиталы вместе со «страшными» тайнами и теперь уже никаких концов не найти?

То есть никаких объективных причин для голода, для дефицита продовольствия, для краха экономики у нас в те годы на самом деле не было. Был искусственно созданный дефицит товаров, на который становится очень похожим нынешний дефицит денег у населения. Вот вам показатели производства некоторых основных продовольственных товаров по России в 1990 и, для сравнения, в «докризисном» 2008 году: хлеб и хлебобулочные изделия – 19,9 и 7,5 млн. тонн; мясо – 6,5 и 2,9 млн. тонн; молочные продукты в пересчете на молоко – 20,8 и 10,3 млн. тонн, крупы – 2,85 и 1,13 млн. тонн. Сахара и растительного масла в России тогда производили

меньше, чем сейчас, но только потому, что сахарной свеклой и подсолнечником тогда занималась, в основном, Украина.

А была кооперативная свора, которая всё это куда-то припрятала для перепродажи по будущим «рыночным» ценам. Или пустила на экспорт – пусть даже по бросовым ценам, но за валюту, которую можно было легко «конвертировать» во власть и в собственность.

«ЗАВТРА». Но наши либералы говорят: зачем что-то производить самим, мало и дорого, если это можно купить, много и дешево, у тех стран, где природно-климатические условия получше? Продать кому-то наши энергоносители, а взамен завезти говядину из Аргентины, «окорочка Буша» и зерно из США, гречку и свинину из Китая – в результате получится выгоднее, чем тратить те же нефть и газ на производство и работу наших негодных тракторов и комбайнов где-нибудь в Нечерноземье.

В.С. Можно, но на взаимозаменяемой основе и по конкурентным ценам. И нельзя на условиях демпинга. Нельзя же ведь литр нашей нефти менять на литр воды. И тем более нельзя дотируемые на всю добрую половину цены на американскую и европейскую сельскохозяйственную продукцию сравнивать с нашими дискриминационными ценами, к тому жекратно завышенными у нас многочисленными паразитирующими посредниками. Решение проблемы в выравнивании условий развития сельского хозяйства. Шансы есть, эффективный собственник на селе, при равных условиях, у нас может появиться.

Высшее наше конкурентное оружие – человек, который у нас по природе своей умелец, творец, созидатель, способный не только блоху подковать и хороший урожай из ничего получить, но и производить лучшие в мире космические корабли, атомные станции, ракеты, кстатили лампочки накаливания и плазменные экраны. Почему этот дар Божий в нашем человеке больше не поощряется, а поощряется совсем другое: низменные инстинкты, стяжательство и паразитизм? Не в этом ли главная причина всех наших теперешних бед, всеобщего недовольства, войны всех против всех. И стоило ли ради таких сомнительных человеческих «ценностей» преступно разменивать великую страну? В этом и главная причина потери былой нашей конкурентоспособности. Страна, которая в былые времена кормила хлебом и теплом полмира, теперь на все 40% (а в Москве на все 80%) зависит от поставок продовольствия из-за рубежа. Стоит эти зыбкие каналы перекрыть – вот вам и голод.

«ЗАВТРА». А где же была «большая» наука? Творцы горбачевских экономических программ, целый конгломерат академиков – неужели они не понимали, к чему приведет реализация подобных, наспех импровизированных идей Горбачева?

В. С. Начнем с того, что любые учения – классовые. Тем более социально-экономические. Кто их заказывает, тот и правит бал. Физиократы, как известно, защищали интересы землевладельцев, фритрейдеры – свободную торговлю, протекционисты – национальные рынки, меркантилисты – деньги, кредит, банки, капиталисты – класс эксплуататоров и наживу, социалисты и коммунисты-марксисты – рабочий класс, равенство и справедливость, либералы – сословие мещан, потребительские свободы и права человека, а нынешние псевдолибералы – гедонистов всех мастей, их низменные ценности, вседозволенность и анархию.

Заказ Горбачева выполняли наши рыночники-либералы. Реализовывались именно их проекты. Проекты нашей большой экономической науки с принципами известной Нины Андреевой на корню отвергались, а неотвергнутые до неузнаваемости переделывались.

Именно такая судьба постигла проекты закона «О кооперации», а впоследствии закона «О предприятии», которые в результате переделки превратились из социально-рыночных в антирыночные и вместо укрепления экономических стимулов породили в стране стяжательство, анархию и хаос.

И что же мы в итоге получили? Вместо искомого сочетания плана и рынка, повсеместного утверждения принципов демократического социализма, полноценного хозрасчета и высокой самокупаемости принимаемых решений – шоковую терапию, эхо отрицательных послед-

ствий которой громко раздается еще и сегодня. Страна в одночасье рухнула. Мужик и ахнуть не успел, как на него медведь напал. Вышло все прямо-таки по известному нашему доморощенному классику: «Такого никогда не было и вот опять случилось».

«ЗАВТРА». А почему в Китае введение рыночных элементов в плановую систему не привело к краху, а, наоборот, способствовало стремительному экономическому рывку страны?

В.С. Да потому что в Китае это было именно введение рыночных элементов в плановую экономику, а не развал экономики, прикрываемый словами о «рынке»: под это специально выделялись ресурсы, в стране соблюдалась строгая экономическая дисциплина и персональная ответственность за выполнение принятых решений, кооперативы действительно работали, производили продукцию, а не обналачивали и не отмывали через карманы руководителей госпредприятий и чиновников народные ресурсы и деньги. А за нарушения этого порядка полагалась, между прочим, помимо тюремных сроков, и смертная казнь. Там только в 80-х годах свыше десяти тысяч человек казнили за экономические преступления, связанные с хищением государственной собственности.

«ЗАВТРА». То есть Советский Союз, в принципе, мог со второй половины 80-х годов пойти не по «либерально-рыночному», а по «китайскому» пути, избежав провала 90-х годов?

В. С. Советский Союз мог пойти по своему собственному, советскому, пути и не во второй половине 80-х, а на добрых двадцать лет раньше. Если бы вместо половинчатых «косыгинских» реформ у нас начали по-настоящему формировать систему народной собственности, заводы и фабрики решительно, как замыслилось, стали передавать в руки рабочих и служащих, землю крестьянам, а высокообразованного к тому времени человека труда сделали хозяином и кормильцем страны, а не ее иждивенцем – страна бы засияла. Нельзя утверждать, что мы в этом отношении ничего не делали. Делали, но слабо, мелко, непоследовательно. А главное – платили скупно, а могли уже платить в разы больше. Парадоксально, что не мы, а Запад под нашим влиянием пошел по этому пути, являя миру превосходные «шведские» образцы народного социализма. И преуспел. Мы же погрязли в демагогических рассуждениях о мирном существовании, разрядке международной напряженности, новом мышлении и т. д. и под гипнозом разного рода «конвергенции», и докладов Римского клуба о «пределах роста» все в чистую Западу сдали.

«ЗАВТРА». Кстати, «советским контактом» с Римским клубом был, насколько помнится, академик и одновременно зять Косыгина Джермен Гвишиани, который активно взаимодействовал с главой этого клуба итальянцем Печеи и семьей крупнейших итальянских олигархов Аннели. Эти контакты впоследствии привели к созданию в Москве Института системных исследований, который функционировал как филиал аналогичного Венского института, где и проходили «стажировку» такие фигуры, как Е. Гайдар, а также ряд других известных деятелей ельцинского периода, собственно, и создавшие ту экономическую систему, в которой мы до сих пор живем...

В.С. И организация производства, например, «Жигулей» стоит в том же ряду. Так что никаких чудес не бывает, всё взаимосвязано... Жаль только, что пользы из всего этого мы извлекли мало, а то и вовсе ничего хорошего не получили.

«ЗАВТРА». Василий Михайлович, если подводить итоги нашей беседы, то получается, что никакая катастрофа Советскому Союзу в 1990 году не грозила, «рыночные реформы» уже поэтому не могли считаться единственным – «иного не дано!» – спасением от неё, зато существовали отвергнутые горбачевским руководством варианты развития страны, по крайней мере, один из которых – с учётом местной специфики – был благополучно осуществлен в том же Китае?

В.С. Объективно катастрофа Советскому Союзу, вопреки апостериорным и насквозь притворным утверждениям наших псевдодемократов, не угрожала. Но даже самый лучший корабль плохой капитан может посадить на рифы, избрав ошибочный курс. То есть в истории

решающую роль играют подчас далеко не объективные причины, а лукавые мнения и люди. Превратные мнения и злые гении у власти – империи рушатся, нет – процветают. СССР, как и Римской империи и Византии, соответственно 1500 и 1000 лет тому назад, а также Османской и Австро-Венгерской империи – 100 лет тому назад, не повезло: у руля всякий раз оказывались очередные Лжедмитрии, суд истории над которыми впереди.

Миром правят мнения, в суде истории решают дело факты. И поэтому есть надежда, что над ныне тотально распространяемыми искаженными мнениями о нашем прошлом, которые, безусловно, мешают и наносят нашей стране огромный ущерб, возобладают объективные факты, только факты и ничего кроме фактов. Исходная точка нашего успешного преобразовательного развития – здесь. Распознаем ее, станем вести счет будущему отсюда – начнем прогрессировать, нет – очередных карликовых ГКЧП и громадных катастроф и потерь нам не миновать. Зрелые цивилизации на ошибках не учатся, они их не повторяют.

Беседу вёл Александр Нагорный

Успехи, которых нет (Думская речь Владимира Путина глазами статистики)

Газета «Завтра» Номер 21 (913) 25 мая 2011 года

Директор НИИ статистики Василий Симчера

В. АЛЕКСАНДРОВ

ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ НЕ ТО, что на самом деле происходит, а то, как окружающим миром воспринимается происходящее.

Глава правительства РФ В. В. Путин 20 апреля с. г. выступил с очередной грандиозной (на этот раз четырехчасовой) речью в Государственной думе.

Что именно он говорил, в наших СМИ (оптом и в розницу) многократно дублировалось, поэтому нет нужды еще раз возвращаться к известному.

Как воспринимается это выступление в глазах нашей общественности? В правительственных кругах и проправительственных СМИ – как блеск, обновленная программа правительства, в которой всё просчитано; в оппозиционной прессе – как собрание непредсказуемых обещаний и патовых комбинаций, граничащих с тупиковыми решениями; очередная потемкинская деревня; документ, демонстрирующий успехи, которых нет...

Что же на самом деле представляет собою эта речь? Если говорить без эмоций, то это типичная речь яркого лидера небезызвестной «партии умеренного прогресса в рамках закона», умело демонстрирующая преимущества усовершенствованного застоя, главный смысл которой – сохранение статус-кво.

Многое из сказанного в речи В. В. Путина, конечно же, как всегда, глубоко справедливо и верно. Волга впадает в Каспийское море. Лошади едят овес. Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. И т. д., см. сочинения А. Чехова и Я. Гашека.

Многое в состоявшейся думской речи, как говорится, правильно, но неверно или верно, но неправильно. Ну, например. Верно, что мы строим социальное государство. Но неверно, а потому глубоко несправедливо и, следовательно, неправильно, что в таком государстве богатые с каждым днем становятся еще богаче, а бедные – еще беднее. Особенно неверно, что это происходит в обостренных кризисных условиях.

В принципе неверно, что в условиях наличия трети убыточных предприятий, опережающего роста издержек производства и снижения темпов прироста производительности труда в стране, вопреки, вообще-то, надуманному кризису, которого на самом деле нет, тем не менее, отмечается подъем, рост эффективности производства, которого, якобы, нет нигде в мире. Китай и другие страны БРИКС при этом оставляются без внимания. Неверно, что темп роста индекса потребительских цен (и далее инфляции) по модулю может оказаться в два раза ниже темпов роста цен производителей и дефляторов ВВП.

Глубоко неверно считать и аморально не видеть, что цены на те товары, которые покупают пенсионеры и другие бедные слои населения, растут такими же темпами (а не в два-три раза быстрее), чем цены на те товары, которые покупают зажиточные и богатые слои населения. И еще более глубоко неверно по плоской шкале, одинаково формально, под одну гребенку облагать и индексировать все доходы. Тем самым вознаграждая богатых и наказывая бедных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.